

В прекрасном и яростном мире —

эпизод 4 из 6

Был, подтвердил я.

Следователь внимательно посмотрел на меня.

Почему же он не передал управление паровозом вам или, по крайней мере, не приказал вам остановить состав?

Не знаю, сказал я.

Вот видите, говорил следователь. Взрослый сознательный человек управляет паровозом курьерского поезда, везет на верную гибель сотни людей, случайно избегает катастрофы, а потом оправдывается тем, что он был слеп. Что это такое?

Но ведь он и сам бы погиб! говорю я.

Вероятно. Однако меня больше интересует жизнь сотен людей, чем жизнь одного человека. Может быть, у него были свои причины погибнуть.

Не было, сказал я.

Следователь стал равнодушен; он уже заскучал от меня, как от глупца.

Вы все знаете, кроме главного, в медленном размышлении сказал он. Вы можете идти.

От следователя я пошел на квартиру Мальцева.

Александр Васильевич, сказал я ему, почему вы не позвали меня на помощь, когда ослепли?

А я видел, ответил он. Зачем ты нужен мне был?

Что вы видели?

Все: линию, сигналы, пшеницу в степи, работу правой машины я все видел...

Я озадачился.

А как же так у вас вышло? Вы проехали все предупреждения, вы шли прямо в хвост другому составу...

Бывший механик первого класса грустно задумался и тихо ответил мне, как самому себе:

Я привык видеть свет, и я думал, что вижу его, а я видел его тогда только в своем уме, в воображении. На самом деле я был слепой, но я этого не знал. Я и в петарды не поверил, хотя и слышал их: я подумал, что ослышался. А когда ты дал гудки остановки и закричал мне, я видел впереди зеленый сигнал, я сразу не догадался.

Теперь я понял Мальцева, но не знал, почему он не скажет о том следователю о том, что после того, как он ослеп, он еще долго видел мир в своем воображении и верил в его действительность. И я спросил об этом Александра

Васильевича.

А я ему говорил, ответил Мальцев.

А он что?

Это, говорит, ваше воображение было; может, вы и сейчас воображаете что-нибудь, я не знаю. Мне, говорит, нужно установить факты, а не ваше воображение или мнительность. Ваше воображение было оно или нет я проверить не могу, оно было лишь у вас в голове; это ваши слова, а крушение, которое чуть-чуть не произошло, это действие.

Он прав, сказал я.

Прав, я сам знаю, согласился машинист. И я тоже прав, а не виноват. Что же теперь будет?

В тюрьме сидеть будешь, сообщил я ему.

Мальцева посадили в тюрьму. Я по-прежнему ездил помощником, но только уже с другим машинистом осторожным стариком, тормозившим состав еще за километр до желтого светофора, а когда мы подъезжали к нему, то сигнал переделывался на зеленый, и старик опять начинал волочить состав вперед. Это была не работа: я скучал по Мальцеву.

Зимой я был в областном городе и посетил своего брата, студента, жившего в университетском общежитии. Брат сказал мне среди беседы, что у них, в университете, есть в физической лаборатории установка Тесла для получения искусственной молнии. Мне пришло в голову некоторое соображение, неуверенное и еще не ясное для меня самого.

Возвратившись домой, я обдумал свою догадку относительно установки Тесла и решил, что моя мысль правильна. Я написал письмо следователю, ведущему в свое время дело Мальцева, с просьбой испытать заключенного Мальцева на подверженность его действию электрических разрядов. В случае, если будет доказана подверженность психики Мальцева либо его зрительных органов действию близких внезапных электрических разрядов, то дело Мальцева надо пересмотреть. Я указал следователю, где находится установка Тесла и как нужно произвести опыт над человеком.

Следователь долго не отвечал мне, но потом сообщил, что областной прокурор согласился произвести предложенную мною экспертизу в университетской физической лаборатории.

Через несколько дней следователь вызвал меня повесткой. Я пришел к нему взволнованный, заранее уверенный в счастливом решении дела Мальцева.

Следователь поздоровался со мной, но долго молчал, медленно читая какую-то бумагу печальными глазами; я терял надежду.